

На перекрестке культур: новые маршруты по старой Москве

Томан И.Б.

*к.и.н., доцент ИТиГ
(филиал РГУТиС)*

Данная статья, написанная в форме путеводителя, посвящена весьма актуальной и востребованной в наши дни теме – истории московских немцев. Содержащийся в ней материал может быть полезен туристическим фирмам, специализирующимся на москвоведческих экскурсиях, а также тем, кто интересуется историей и достопримечательностями российской столицы.

This tourist guide-like article highlights a very compelling issue - the history of Moscow Germans. The material it embraces can be of use for tourist companies focusing on Moscow-studies excursions, and, as well, for those who take interest in the history and the sights of the Russian capital

История московских немцев – одна из интереснейших страниц истории нашего города. Она свидетельствует о возможности и плодотворности диалога двух культур, а также о жизненной реальности такого понятия, как единство в многообразии. Московские немцы оставили заметный след в культуре и экономике России; они добросовестно и под-

час самоотверженно выполняли свой долг перед человечеством в той стране, в которую забросила их судьба, но, несмотря на инонациональное окружение, им удалось сохранить свой язык и религию.

Истории московских немцев могут быть посвящены работы по истории архитектуры, науки, образования, литературы, благотворительности, экономики; это тема привлекала и привлекает внимание историков повседневности и религиоведов. Впрочем, жанр научной или научно-популярной статьи – не единственно возможная форма для описания жизни московских немцев. Не менее продуктивной является форма путеводителя. Многие дома в старинной Москве, так или иначе, связаны с немцами: одни из них были построены по проекту немецких архитекторов; в других жили известные люди; в третьих находились немецкие учебные заведения и т.д.

Жанр путеводителя имеет два важных преимущества. Во-первых, благодаря наглядности и конкретности он скорее заинтересует широкий круг людей, интересующихся историей своего города, а, во-вторых, привлечет внимание к памятнику культуры, что, возможно, будет способствовать его сохранению.

Тема «Москва многонациональная» и, в частности, история культуры московских немцев привлекала внимание многих ис-

следователей, однако она находит весьма поверхностное отражение в городских экскурсиях, предлагаемых столичными турфирмами. Среди препятствий – недостаток или отсутствие «национальных путеводителей», а также почти полное отсутствие пешеходных экскурсий.

Данная статья является фрагментом подготовленного автором путеводителя «По немецким местам Москвы». Он представляет собой описание серии пешеходных прогулок, в ходе которых экскурсанты знакомятся не только с памятниками, напоминающими о жизни и трудах московских немцев, но и с другими достопримечательностями, встречающимися на пути. Благодаря этому туристы получают наглядное представление о взаимодействии и взаимовлиянии двух культур.

Прогулка №1

Экскурсия начинается на правой стороне улицы Маросейка, у станции метро «Китай-город». Улица получила свое название в XVII веке, так как здесь находилось Малороссийское (Украинское) подворье. При выходе из метро на противоположной стороне улицы видна церковь св.Никола Чудотворца в Блинниках.

Церковь св.Никола Чудотворца (Казанской Богоматери) в Блинниках (Кленниках) (Первая половина XVIII в.)

Ул.Маросейка, 5

Двигаясь по правой стороне Маросейки, вскоре увидим на противоположной стороне улицы гимназию пастора Глюка. Перейдя проезжую часть, можно войти в арку и оказаться в тихом дворе, где хорошо видны наличники XVII века. Здесь можно остановиться, чтобы рассказать экскурсантам о судьбе пастора Глюка, его гимназии и о значении ее в культуре России. Впрочем, из-за интенсивного движения транспорта и отсутствия здесь регулируемого перехода, лучше от этого воздержаться и рассказать о Глюке в близлежащем переулке.

Гимназия пастора Глюка (Конец XVII-1820-е годы)

Ул.Маросейка, 11

Иоганн Эрнест Глюк(1652-1705) родился в Веттине близ Магдебурга. Получив богословское образование в Виттенбергском и Лейпцигском университетах, он в течение 22 лет служил пастором в Мариенбурге - нынешнем городе Алуksне в Латвии. В отличие от большинства коллег, Глюк преподавал Слово Божие на латышском языке. Он перевел Библию на латышский язык и организовал несколько школ, в которых латышские дети могли получить образование на родном языке. По его инициативе в Мариенбурге была открыта русская школа для детей старообрядцев, бежавших от преследований из России. Эта полная трудов, но спокойная и, казалось бы, стабильная жизнь была прервана 25 августа 1702 года, когда в начале Северной войны русские войска вошли в Мариенбург. То был самый страшный день в жизни Глюка, и мог ли он вообразить тогда, что эта трагедия сделает его основателем первой российской гимназии, а его служанку Марту – первой российской императрицей? Но случилось именно так.

В феврале 1703 года пленному пастору поручили обучать иностранным языкам нескольких русских детей, которым предстояла служба в Посольском приказе. Глюк, не привыкший к праздности, с жаром взялся за новое дело и в начале 1705 года добился присвоения своей школе статуса гимназии. По его замыслу, она должна была готовить не просто государственных служащих со знанием языков, а мыслящих, образованных людей, готовых продолжить образование в европейских университетах. Глюк хотел преподавать в ней немецкий, французский, латинский, древнегреческий, древнееврейский и сирийский языки, географию, физику, политику, философию, а также танцы, верховую езду и этикет. Для своей школы он составил учебники на русском языке, пригласил из-за границы учителей. Но в мае 1705 года он неожиданно умер, и созданная им гимназия существовала уже без него.

Школа была всесословной. Обучались в ней и боярские дети, и солдатские, и дворяне. Число учащихся сильно колебалось. В

1705 году их было 28, в 1706 – 40, в 1709 – 73, в 1710 – 56. Жили они при школе, а кормила их вдова Глюка. Образование было бесплатным, и учащимся выдавалась стипендия. День начинался с совместного чтения Евангелия православными учениками и лютеранами-учителями. В 8 часов утра начинались занятия, продолжавшиеся, с небольшими перерывами, до 8 часов вечера. Практически все время отводилось на изучение языков.

Гимназия Глюка оказалась нежизнеспособной. Большинство намеченных им предметов в ней не преподавалось, учителя были не всегда на высоте своего положения, и ученики надолго в школе не задерживались: иные переходили в другие учебные заведения, а иные просто убегали домой. В 1711 году она распалась на четыре самостоятельные школы, а в 1715-м полностью прекратила свое существование. И все же начинание Глюка было не напрасным. Гимназия дала России несколько десятков молодых людей, знающих иностранные языки, а это было для того времени уже немало.

Оценивая ее роль в истории русской культуры, В.О.Ключевский писал: «Гимназия Глюка была у нас первой попыткой завести светскую общеобразовательную школу в нашем смысле слова. Мысль оказалась преждевременной: требовались не образованные люди, а переводчики Посольского приказа». (Ключевский В.О. Курс русской истории. Часть IV. Лекция LXIX. М., 1989. С.227)

Немного не доходя до гимназии Глюка, сворачиваем направо, в Спасоглинищевский переулок, где вскоре увидим Московскую хоральную синагогу, построенную в стиле неоклассицизма, и напротив нее – памятник жертвам Холокоста.

Московская хоральная синагога (конец XIX-начало XX вв., архитекторы С.С. Эйбушитц и Р.И. Клейн)

Спасоглинищевский пер., 10

Пройдя до конца Спасоглинищевский переулок, оказываемся на перекрестке улиц Забелина и Солянки. Поодаль, направо, у другого входа в метро «Китай-город» видна церковь Всех святых на Кулишках.

*Церковь всех святых на Кулишках (XVI-XIX вв.)
Славянская пл., 2*

Первый деревянный храм на этом месте был возведен в 1380 году в память о русских воинах, павших на Куликовом поле. Что касается названия данного места – «Кулишки», – то оно происходит от слова, означавшего участок леса, выжженного под пашню. Нынешний свой облик храм приобрел, в основном, в XVI-XVII вв

Сворачиваем налево и идем по левой стороне улицы Забелина, названной по имени известного русского историка XIX века. (Немногие исследователи прошлого удостаивались подобной чести!). Вскоре мы увидим сразу два памятника архитектуры: справа – Ивановский монастырь, а напротив – один из красивейших московских храмов – церковь св. Владимира в Старых Садах.

Ивановский женский монастырь (1859-1878, архитектор М.Д. Быковский)

Ул. Забелина, 4

Время основания этого монастыря неизвестно. Впервые он упоминается в 1604 году. Монастырь был не только местом молитв, но и женской тюрьмой. Самая известная его узница – помещица Дарья Салтыкова прозванная Салтычихой), собственноручно замучившая сотни крепостных. Жила и в монастыре и таинственная инокиня Досифея. По преданию, она была дочерью императрицы Елизаветы Петровны и ее морганатического супруга А.К.Разумовского. После пожара 1812 года монастырь был упразднен, а его здания отдали под Синодальную типографию. В 1859 году монастырь был восстановлен и отстроен заново по проекту М.Д. Быковского. В 1918 году обитель закрыли. В ее зданиях располагалась тюрьма, школа НКВД и другие учреждения. В 1992 году ее передали Русской православной церкви.

Церковь св.Владимира в Старых Садах (XVII-XIX вв.)

Старосадский пер., 9

У церкви св. Владимира в Старых садах сворачиваем налево, в Старосадский переулок. Его изначальное название – Космодамианский, в честь стоящей на его про-

тивоположном конце, на углу Маросейки, Космодамианской церкви. Нынешнее же свое название переулок получил в 1922 году по названию данной местности – Старые Сады, – отразившегося в названии церкви св. Владимира. Пройдя мимо Исторической библиотеки, увидим справа, в глубине двора Петропавловскую евангелическо-лютеранскую церковь.

Государственная публичная историческая библиотека (1901, Б.Н. Кожжевников)

Старосадский пер., 9

Основой фондов библиотеки стало книжное собрание историка и археолога А.Д.Черткова. В не также вошли личные библиотеки историков П.М.Строева, И.Е.Забелина (именем которого названа близлежащая улица) и других.

Петропавловская евангелическо-лютеранская церковь (1906, В. фон Коссов)

Старосадский переулок., 7

Первая евангелическо-лютеранская церковь в Москве была построена в 1576 году. Ни ее точное местонахождение, ни внешний облик неизвестны. Первыми ее прихожанами были шведы, взятые в плен во время Ливонской войны. В 1580 году церковь была разрушена вместе с близлежащими домами иноземцев. В 1601 году, при Борисе Годунове, она была восстановлена, а через несколько лет неподалеку построили еще одну лютеранскую церковь. В 1652 году по приказу Алексея Михайловича всех иноземцев выселили за пределы Земляного города – тогдашней границы Москвы, – дабы оградить православных от нежелательного влияния. Так появилась Иноземная, или Немецкая, слобода. Сюда же были перенесены обе лютеранские церкви, одна из которых стала называться Михайловская, а другая – Петропавловская. Во время пожара 1812 года Петропавловская церковь сгорела. В 1819 году ее восстановили, но не на прежнем месте, а в Космодамианском (ныне Старосадском) переулке, в районе которого к тому времени жило большинство ее прихожан.

Нынешнее здание церкви было построено в неороманском стиле в 1906 году по проек-

Пастор Дикгоф – основатель школы для слепых детей в Москве

ту архитектора Виктора фон Коссова. В 1936 году церковь была закрыта, а ее последний пастор Александр Штрек – расстрелян.

В 1990-е годы церковь была передана московской евангелическо-лютеранской общине, и в настоящее время в ней проводятся богослужения на немецком и русском языках.

Среди пасторов Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви особенно известен Генрих Генрихович Дикгоф (1833-1911) – основатель московской школы для слепых детей. Он родился в Полтаве в семье пастора, который был выходцем из Ганновера. В раннем возрасте он покинул родительский дом и поступил в гимназию в Ревеле (ныне г. Таллинн). Высшее образование Генрих получил на богословском факультете Дерптского (ныне Тартусского) университета, после окончания которого приехал в Москву. Здесь он стал помощником своего отца, который служил тогда пастором в Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви, а после его смерти был избран его преемником.

Дел у пастора, община которого насчитывала 15 тысяч человек, было немало, однако Г. Дикгоф не мог ограничить себя только попечением о своих единоверцах. Он видел свой долг в том, чтобы помочь самым обездоленным людям, которые были лишены самого драгоценного чувства — зрения. Г. Дикгоф хотел, насколько возможно, помочь им найти свое место в жизни, а для этого необходимо было организовать школу для слепых детей.

В 1871 году Г. Дикгоф за свой счет поехал за границу, чтобы познакомиться с зарубежным опытом обучения незрячих, а в 1872 году основал Совет учредителей Московского учебно-воспитательного заведения для слепых детей. Однако благие намерения сразу натолкнулись на обычную преграду — отсутствие средств. Государство не дало ни копейки на организацию школы, однако среди москвичей нашлись люди, готовые помочь. Лишь благодаря частным пожертвованиям в 1882 году был собран достаточный капитал для открытия школы. Почти все ее питомцы были из бедных семей и учились бесплатно, и школа, лишенная государственного финансирования, существовала главным образом за счет частных пожертвований.

В школе незрячие дети получали неплохое начальное образование (включавшее Закон Божий, русский язык, арифметику, природоведение, географию и историю), но главное внимание уделялось профессиональной подготовке. Девочки шили, вышивали и вязали, а мальчики изготавливали корзины и мебель, переплетали книги и работали в типографии. Неизменным успехом у москвичей пользовались выступления хора и оркестра воспитанников школы.

За 30 лет — с 1882 по 1912 год — школу для слепых детей окончило 114 человек, из них трудоустроен был 101. Одни стали квалифицированными ремесленниками, другие — музыкантами и певчими, которые выступали в духовном хоре слепых под руководством Я. К. Сорокина (основанного в 1897 г.) или оркестре, организованном в 1899 году капельмейстером Большого театра В. В. Гейзлером.

Несмотря на все идеологические перипетии,

в школе-интернате для слепых детей всегда №1 помнили и помнят пастора Дикгофа. Его портрет висит в школьном музее, которым заведует бывший директор школы — Анна Ивановна Сизова.

Свернем в Петроверигский переулок, идущий перпендикулярно Старосадскому. Свое название он получил по находившейся здесь церкви «Поклонения честным веригам святого апостола Петра». Она была заложена в 1669 году боярином И. Д. Мирославским в честь бракосочетания его дочери с царем Алексеем Михайловичем, совершенного в день памяти вериг апостола. В 1844 году церковь была снесена. В этом переулке находилась гимназия и реальное училище при Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви.

Гимназия и реальное училище при Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви (1913, Отто фон Дессин)

Петроверигский пер., 10

История немецкой школы в России начинается почти одновременно с историей российских немцев. И это неудивительно. Большинство из них принадлежало к евангелическо-лютеранскому вероисповеданию, а для протестантов церковь и школа — понятия неразделимые. Посещение школы является для них необходимым и обязательным этапом человеческого бытия, своего рода промежуточной ступенью между крещением и конфирмацией. Главная и первоначальная задача школы заключалась в том, чтобы дать детям религиозно-нравственное воспитание и научить их чтению, которое, прежде всего, способствует становлению истинного христианина, ибо дает возможность самостоятельно изучать Библию.

Евангелическая церковь изначально была заинтересована в распространении образования среди всех слоев населения. Еще в 1524 году Мартин Лютер обратился к властям германских городов с призывом организовывать общедоступные школы. В 1642 году правитель герцогства Саксен-Гота Эрнст Благочестивый ввел у себя всеобщее начальное образование. Впоследствии оно было распространено и на другие германские государства.

Немецкие школы основывались не только в Германии. Куда бы ни забрасывала немцев судьба, они всегда стремились объединиться и организовать обучение детей. С XVII по начало XX века немцы имели свои церкви и школы в России, и, главным образом, благодаря богослужению и обучению на родном языке они в течение 300 лет сохраняли вдали от исторической родины свой язык и национальную культуру. Уже в начале XVII века при московской евангелическо-лютеранской церкви существовала школа, где преподавали религию, церковное пение, чтение, письмо и арифметику. Возможно, однако, что самая первая школа возникла еще раньше – в 1576 году – одновременно с основанием в Москве первой евангелическо-лютеранской церкви.

Во второй половине XVII века в московской Немецкой слободе действовали две евангелическо-лютеранские церкви, названные впоследствии Михайловской и Петропавловской. При каждой из них имелись школы для мальчиков и девочек. Среди учеников были дети разных национальностей, но немцы составляли большинство, и преподавание велось на немецком языке, являвшемся в какой-то степени языком «межнационального общения» в Немецкой слободе, населенной выходцами из различных европейских стран.

Впоследствии программа школ существенно расширилась. Так, например, в 1815–1816 г.г. в училище при Михайловской евангелическо-лютеранской церкви появились новые предметы: русский и французский языки, история, география и рисование. В 1871 году училищу был присвоен статус реального, и программа его стала соответствовать программам аналогичных российских учебных заведений, но преподавание велось на немецком языке. Здание Михайловского реального училища в Новокирочном переулке (д.№4) пока еще существует; самой же Михайловской евангелическо-лютеранской церкви не осталось и следа. Место, где она стояла когда-то, находится на территории филиала Центрального аэрогидродинамического института.

Что касается школы при Петропавловской церкви в Немецкой слободе, то она сгорела дотла во время пожара 1812 года. Несколькими годами спустя ее восстановили вместе с церковью, но не на прежнем месте, а в Космодамианском (ныне Старосадском) переулке, поскольку уже тогда в центре города жила значительная часть общины. В 1824 году при Петропавловской церкви была открыта школа для мальчиков, а в 1829-м – для девочек. С этого времени культурный и образовательный центр московских немцев окончательно переместился из Немецкой слободы в Космодамианский переулок.

Благодаря высокому качеству преподавания и обширной программе школы при Петропавловской церкви пользовались большим авторитетом. Многие русские родители стремились обучать там своих детей, ибо знали, что ее выпускники получают основательные знания и свободное владение немецким языком, необходимым в то время для успешной предпринимательской деятельности. В результате среди учащихся Петропавловской школы стали преобладать русские (в 1840 году из 104 учеников было только 38 немцев), и для того, чтобы они лучше усваивали программу, преподавание в течение ряда лет велось на русском языке.

Срок обучения в школе для мальчиков составлял 8 лет. В программу 1840 года входили Закон Божий (для лютеран и православных отдельно); немецкий, русский, французский и латинский языки; арифметика, алгебра, геометрия, география, история, естественная история, физика. Рисование и чистописание. Содержание преподавания со стороны Министерства народного просвещения почти не регламентировалось.

В 1879 году Министерство народного просвещения издало «Положение о мужском училище, состоящем при евангелическо-лютеранской церкви в Москве». В соответствии с ним оно было разделено на гимназию и реальное училище, программа которых соответствовала программам государственных аналогичных учебных заведений. В 1880 году женское Петропавловское училище получило

статус женской правительственной гимназии. Включение школ при Петропавловской церкви в образовательную систему России и подчинение учебного процесса программам Министерства народного просвещения в определенной степени повлекло утрату самостоятельности этих школ и отчасти сковало личную инициативу педагогов. Однако эта реформа была неизбежна и в целом отвечала интересам учеников. Ведь обучаясь по программам, по которым обучались их сверстники в аналогичных русских учебных заведениях, они, по окончании школы, получали и те же права. Так, выпускники мужской гимназии могли без экзаменов поступить в университет, а выпускницы женской гимназии могли стать домашней учительницей или преподавать в начальной школе.

Основным языком преподавания, вплоть до Первой мировой войны, был немецкий. По-русски должен был преподаваться Закон Божий для православных, русский язык и история российской словесности, а также история и география России.

Во второй половине XIX века доля русских учащихся в немецких школах, по сравнению с предшествующим периодом, несколько уменьшилось, что связано с увеличением количества учебных заведений в Москве, однако оставалось довольно высокой. В конце XIX-начале XX века русские составляли примерно около трети учащихся Петропавловской гимназии и реального училища.

Большинство преподавателей обеих Петропавловских гимназий и реального училища, как и других учебных заведений при евангелическо-лютеранских церквях были немцами. Значительную их часть составляли выходцы из прибалтийских губерний, получившие образование в Дерптском университете. Многие были уроженцами Германии и, живя в России многие годы, сохраняли германское подданство. Преподавателями «русскоязычных» предметов были русские учителя; французский язык преподавали, как правило, французы; английский (в реальном училище) — англичане.

Для «русскоязычных» предметов исполь-

зовались учебники, употребляемые в средних учебных заведениях России; для «немецкоязычных» — немецкие учебники. Одни из них были изданы в Германии и предназначались для германских средних учебных заведений, другие были написаны учителями российских немецких школ и изданы в России.

Чтобы облегчить русским и немецким детям вхождение в билингвистическую среду, при Петропавловском училище была устроена подготовительная школа. В соответствии с упомянутым выше «Положением о мужском училище, состоящем при евангелическо-лютеранской церкви Петра и Павла в Москве» от 21 апреля 1879 года, в нее принимались дети с 7 лет. Она делилась на русскоязычное и немецкоязычное отделения, в каждом из которых было три класса. В этой школе русские овладевали немецким языком, а немцы — русским; кроме того, в программу входил Закон Божий (отдельно для учеников различных вероисповеданий), арифметика и пение.

Помимо гимназий, реального училища и подготовительной школы, при Петропавловской церкви была еще начальные школы для мальчиков и девочек. Обучались там бесплатно или за небольшую плату дети из малообеспеченных семей, принадлежавших к Петропавловской общине.

Таким образом, в конце XIX-начале XX века при московской Петропавловской евангелическо-лютеранской церкви существовал целый школьный организм, состоящий из шести учебных заведений: начальных школ для мальчиков и девочек, подготовительной школы, мужской гимназии и реального училища и женской гимназии. В 1915 году преподавание в них было переведено на русский язык, а после Октябрьской революции они прекратили свое существование.

Вернемся в Старосадский переулок и через церковный двор выйдем в Колпачный переулок, названный так по занятию местных жителей, изготовлявших головные уборы, и свернем налево. На его правой стороне мы вскоре увидим особняки, принадлежавшие фабрикантам Кноопам.

Их отец — Людвиг Кнооп (1821-1894) —

родился в семье небогатого бременского купца. В 1838 году он поступил на службу в английскую фирму Де Джерси, продававшую в Россию английскую пряжу, а в 1839-м был командирован в Москву. С этого времени начинается его головокружительная карьера. Известность он приобрел благодаря тому, что поставил новейшее текстильное оборудование для Никольской мануфактуры Морозовых. За ней последовали другие. В 1852 году Кноп принял российское подданство и вскоре открыл в Москве собственную фирму – торговый дом «Л.Кноп». В 1861 году Кноп вернулся в Германию, но ежегодно приезжал в Москву, где остались его дети.

Л.Кноп был одним из известнейших предпринимателей России, о чем свидетельствует и поговорка: «Что ни церковь – то поп, что ни фабрика – то Кноп».

Дом Теодора фон Кнопа (XIX в., Б.В.Фрейденберг)

Колпачный пер., 7

Дом Андреаса фон Кнопа (1900, К.В.Трейман)

Колпачный пер., 7

Вернемся по Колпачному переулку назад и обратим внимание на палаты XVII века, принадлежавшие, по преданию, гетману Ивану Мазепе.

Палаты Мазепы (XVII в.)

Колпачный пер., 10

Миновав палаты, свернем налево, в Хохловский переулок, название которого свидетельствует о том, что в XVIII веке здесь было место компактного проживания украинцев. Вскоре мы увидим церковь Живоначальной Троицы в Хохлах.

Церковь Живоначальной Троицы в Хохлах (1696, XVIII-XIX в.)

Хохловский пер., 12

Эта церковь была заложена Е.А. Чириковой в память о своей умершей дочери.

Недалеко от церкви, на противоположной стороне улицы, мы увидим большое старинное здание, принадлежавшее когда-то Московскому архиву коллегии иностранных дел – предшественнику нынешнего Российского государственного архива древних актов.

Московский архив коллегии иностранных дел (XVII-XIX вв.)

Хохловский пер., 7

Это здание является памятником гражданской архитектуры XVII века, и принадлежало оно дьяку Емельяну Украинцеву – известному дипломату Петровского времени. Впоследствии он принадлежал Голицыным, а в 1770 году в нем был размещен Московский архив коллегии иностранных дел. В то время им руководил известный историк и путешественник Герхард Фридрих Миллер (1705-1783).

Миллер приехал в Россию 20-летним выпускником Лейпцигского университета, и уже три года спустя по его инициативе стал выходить первый русский литературный и научно-популярный журнал – «Месячные исторические, генеалогические и географические примечания к Санкт-Петербургским ведомостям». А вскоре Миллер основал первый в России исторический журнал, выходивший, правда, на немецком языке. Назывался он «Sammlung russischer Geschichte» (Собрание российской истории). В нем были впервые опубликованы отрывки из русских летописей. В 24 года недавний студент был назначен профессором Петербургской академии наук. Казалось бы, все складывается как нельзя лучше, но в 1733 года Миллер без сожаления оставляет спокойную обеспеченную жизнь и неторопливые научные занятия и присоединяется ко Второй Камчатской экспедиции Беринга.

Миллер пробыл в Сибири 10 лет. За это время он собрал колоссальный исторический и этнографический материал, ставший основой не только для его собственных сочинений, но и для исследований не одного поколения историков и этнографов.

Вскоре после возвращения Миллер выступил с предложением об учреждении при Петербургской Академии наук исторического департамента для написания истории и географии России, однако проект был отклонен. Вслед за этим последовали более существенные неприятности. Однажды Миллер узнал, что результаты его научных изысканий являются, оказывается, государственной тай-

ной: в 1744 году он был вызван на допрос по поводу разглашения сведений о картах Второй Камчатской экспедиции. В последующие годы Миллер имел неосторожность всерьез заняться генеалогией российской правящей династии и на основании скрупулезного изучения документов пришел к таким выводам, что Сенат строго настроено запретил ему заниматься этой темой.

Миллер послушался, но выводов никаких не сделал. Он так никогда и не понял, точнее, не хотел понять, что в России историческая наука связана с политикой и предназначена властями главным образом для воспитания патриотизма. В 1749 году он вынес на обсуждение Академии Наук диссертацию «О происхождении народа и имени Российского». На основании изучения летописей он доказывал скандинавское (норманнское) происхождение первой русской правящей династии и решающую роль скандинавов в создании русской государственности. Уже тогда «норманнский вопрос» имел не научный, а политический характер. «Непатриотичные» идеи Миллера были дружно заклеены коллегами, а его диссертация сожжена.

Это не сломило Миллера. Как и прежде, он продолжал работать над своим фундаментальным трудом «История Сибири», который был основан на материалах, собранных за время десятилетних странствий. В 1750 году вышел его первый том. В последующие годы Миллер написал ряд трудов по древнерусской истории, возобновил издание «Sammlung russischer Geschichte», а также основал новый журнал – «Ежемесячные сочинения к пользе и увеселению служащие». Здесь печатались литературные произведения, а также статьи по физике, астрономии, геологии, биологии, агрономии и, конечно же, истории.

В 1766 году в жизни 60-летнего ученого наступает перемена. Он переезжает в Москву и становится во главе Московского архива коллегии иностранных дел. Из склада никому не нужных старых бумаг Миллер превратил архив в научное учреждение, обеспечивавшее историков необходимыми материалами для исследований. Фактически Миллер создал

первый в России исторический архив, ставший предшественником нынешнего Российского государственного архива древних актов. Незадолго до смерти Миллер передал сюда за символическую плату свою бесценную коллекцию древних рукописей и старопечатных книг. Современные историки пользуются до сих пор этим собранием, известным под названием «портфели Миллера».

Московский архив коллегии иностранных дел стал главным, но не единственным делом последних лет жизни Миллера. Он написал первый в России труд по истории дворянства, а в возрасте семидесяти с лишним лет совершил длительное путешествие по Московской губернии, результатом которого стала серия статей об истории подмосковных городов и монастырей.

Итак, Герхард Фридрих Миллер стоит у истоков российской исторической науки, архивоведения, этнографии и журналистики. Однако значение его личности для современников и потомков не исчерпывается перечислением его заслуг и научных сочинений. Миллер является примером самоотверженного, бескорыстного и смелого ученого, который превыше политической конъюнктуры ставил правду. Исследователь прошлого, по мнению Миллера, «должен казаться без отечества, без веры, без государя; все, что историк говорит, должно быть строго истинно».

Московский архив коллегии иностранных дел находился в Хохловском переулке более ста лет – до 1874 года. Служба в нем считалась весьма престижной, и многие дворянские юноши начинали свое жизненное поприще именно здесь. Поэт начала XIX века Владимир Филлимонов так писал о нем:

Вот на Ивановской горе старинный,
И стариной своей красив,

Образчик теремов, весь в окнах узких,
длинный

Дипломатический архив.

Для нашей юности дворянской

В нем основался быт гражданский:

Рассадник на Руси до нынешних годов

Вождей, сановников, певцов.

(Романюк С.К. Из истории московских

переулков. М., 1998. С.286).

Служивших здесь юных архивистов упоминает и А.С. Пушкин в седьмой главе «Евгения Онегина»:

Архивны юноши толпою
На Таню чопорно глядят,
И про нее между собою
Неблагодарно говорят.

Эти старинные палаты помнят и самого А.С. Пушкина: в 1836 году он изучал здесь архивные документы.

В 1875 году здание было передано Московскому отделению Русского музыкального общества для занятий недавно основанной Московской консерватории, не имевшей еще собственного помещения, а в 1882 году здесь разместилась нотопечатня П.И. Юргенсона, в которой впервые увидели свет почти все произведения П.И. Чайковского.

По Хохловскому переулку выйдем на Покровский бульвар и перейдем на противоположную его сторону. Мы пересекли древнюю границу Москвы, проходившей по нынешнему Бульварному кольцу. На его месте стояли стены Белого города, построенные в 1586-1591 гг. архитектором Федором Конем по приказу Бориса Годунова. Во второй половине XVIII века их разобрали, а в начале XIX века на их месте разбили бульвары.

Покровский бульвар получил свое название от начинающейся недалеко от него улице Покровка, известной с XV века. В то время так именовалась не только нынешняя улица, но и Маросейка. Название Покровка происходит от находившегося на ней Покровского монастыря, упраздненного в XVIII веке.

Выйдя на Покровку, мы увидим справа знаменитый «дом-комод», а за ним — церковь Воскресения в Барашах.

Городская усадьба Трубецких («дом комод», конец 1760-начало 1770-х годов)

Ул. Покровка, 22

Это единственная сохранившаяся без существенных переделок жилая постройка в стиле растреллиевского барокко в Москве. На устраивавшихся здесь балах бывал А.С. Пушкин.

Церковь Воскресения в Барашах (XVII-XVIII вв.)

Ул. Покровка, 26/1

В этой церкви венчалась императрица Елизавета Петровна с А.К. Разумовским. В память об этом событии церковную главу украшала золоченая деревянная корона.

Сворачиваем направо, в Барашевский переулок, начинающийся между «домом-комодом» и церковью Воскресения. Свое название переулок получил по занятию местных жителей, изготовлявших палатки (шатры) — бараши. Почти сразу же увидим еще один храм — церковь Ведения Богоматери в Барашах.

Церковь Введения Богоматери в Барашах (XVII-XVIII вв.)

Барашевский пер., 8

Пройдя до конца Барашевский переулок, пересекаем Лялин переулок и идем по левой стороне Малого Казенного переулка. Вскоре мы увидим здание бывшей Полицейской больницы для бесприютных, во дворе которой стоит памятник доктору Гаазу.

Памятник доктору Ф.П. Гаазу

Малый Казенный переулок, 5

Более полутора столетия прошло с тех пор, как многотысячная толпа москвичей проводила этого человека в последний путь на Иноверческое кладбище на Введенских горах. Не одна эпоха сменилась с тех пор в нашей истории, несколько поколений родилось и сошло в могилы, многое было разрушено и построено, но все это время, даже в самые лютые морозы, лежали и лежат на его могиле свежие цветы. «Спешите делать добро», — гласит эпитафия на надгробном памятнике, обращенная и к предкам нашим, и к нам, и к потомкам.

Хочется верить, что будущие поколения будут лучше, чем мы, следовать данной заповеди, оставленной всем живущим в этом мире Федором Петровичем Гаазом (1780-1853), прозванным современниками «святым доктором».

Родина Фридриха Йозефа Гааза — городок Бад-Мюнстерайфель близ Бонна. Дед его был врачом, отец — аптекарем. После окончания гимназии Фридрих Йозеф изучал философию и математику в Йенском университете,

«Святой доктор» Ф.П. Гааз

но, почувствовав тягу к семейной профессии, уехал в Вену, где получил медицинское образование. Одним из его первых пациентов был князь Репнин, излеченный от глазной болезни. Он и пригласил подающего надежды доктора в Россию.

Так в 1806 году в Москве появился молодой немецкий доктор Федор Петрович Гааз. Вскоре после приезда он был назначен главным врачом Павловской больницы (ныне 4-я городская клиническая больница). В 1809-1810 гг. ездил на Кавказ, где в горах Машук и Бештау открыл серно-щелочные источники минеральных вод. Во время войны с Наполеоном он был военным хирургом и дошел с русской армией до Парижа.

После войны доктор Гааз возвратился в Москву. Он считался самым искусным врачом в городе, и от пациентов не было отбоя. Однако, получая немалые гонорары от состоятельных пациентов, Гааз никогда не отказывал неимущим, которых лечил бесплатно. Кроме того, Федор Петрович преподавал в Медико-хирургической академии и безвозмездно работал в Преображенской и Екате-

рининской богадельнях.

В 1928 году в Москве был учрежден губернский тюремный комитет, члены которого оказывали заключенным материальную и моральную поддержку, распространяли среди них религиозно-нравственную литературу, приглашали к ним священнослужителей. Вступил в этот комитет и доктор Гааз, а через год он стал главным врачом московских тюрем.

С тех пор все свои усилия Ф.П.Гааз направил на заботу о заключенных, ибо именно они, по его мнению, более всех нуждались в помощи, участии и сострадании. Он был убежден, что несчастье, преступление и болезнь взаимосвязаны, и видел в арестанте не «злодея», а страдающего человека, излечить которого может лишь добро.

Доктор Гааз вникал во все подробности тюремного быта. Благодаря его усилиям был отменен так называемый прут – стержень, к которому приковывали на весь многомесячный путь в Сибирь по несколько арестантов; внутренняя сторона железных наручников стала обиваться кожей; улучшены условия содержания в тюрьмах; организована школа для детей заключенных. Бесчисленное число раз Федор Петрович ходатайствовал об освобождении невинно осужденных или смягчении наказания, на свои средства выкупил из крепостной зависимости более 70 человек.

Два раза в неделю доктор Гааз приезжал в пересыльную тюрьму на Воробьевых горах, где осматривал заключенных, отправляемых в Сибирь. Он оказывал им медицинскую помощь, добивался, чтобы больных не гнали по этапу, а помещали в больницу, раздавал гостинцы арестантам и их детям, но главным было, пожалуй, его духовное воздействие на заключенных. Бывало, он по несколько километров шел по этапу, беседуя с кем-нибудь из своих подопечных, в памяти которых доктор навсегда оставался подчас единственным человеком, который их понял и пожалел.

В 1844 году на средства доктора Гааза и собранные им частные пожертвования в Малом Казенном переулке была открыта больница для бесприютных. В одном из ее флиге-

лей Ф.П. Гааз прожил свои последние годы, почти до последнего дня неутомимо трудясь и помогая всем, кто к нему обращался. «У Гааза нет отказа», – говорили о нем москвичи.

50 лет прожил доктор Гааз в России, и все эти годы прошли в неустанных трудах, потому что он просто не мог иначе. Он ни одной минуты не оставался спокойным и праздным, ибо постоянно думал о том, что кто-то сейчас страдает, и он должен немедленно помочь этому человеку, ибо завтра уже будет поздно. Он всю свою жизнь спешил делать добро и только в этом видел смысл своего земного бытия.

«Спешите делать добро!» – это были любимые слова доктора Гааза. Звучат они рефреном и в его книге «Призыв к женщинам», изданной много лет спустя после его смерти, в 1897 году.

Значение деятельности доктора Гааза состоит не только в помощи заключенным и неимущим, но также в нравственном влиянии на современников и потомков. Он был первым, кто призывал не только к частной благотворительности по отношению к заключенным, но к коренному изменению всего тюремного быта, кто не только словами, но и делами пытался доказать, что задача государства и общества – не наказание преступников, а возвращение их к нормальной жизни.

Первым биографом Ф.П. Гааза был из-

вестный юрист и общественный деятель А.Ф. Кони, издавший книгу о «святоте докторе» в 1897 году. До этого единственным опубликованным источником о нем был некролог, опубликованный в «Московских ведомостях» (Елизавета Д-ва. Несколько слов о Ф.П. Гаазе // Московские ведомости, 1853, №101). Благодаря А.Ф.Кони имя Гааза стало широко известно, и в начале XX века о нем вышло несколько книг, носивших, в основном, популярный характер. «Святой доктор» стал примером для тех, кто хотел помочь страждущим, его именем было названо благотворительное общество и приют. В 1905 году на заброшенной могиле Ф.П. Гааза на Немецком кладбище был поставлен памятник, а в 1909 году во дворе основанной им Полицейской больницы для бесприютных был установлен его бронзовый бюст по проекту скульптора Н.А.Андреева. В советское время имя доктора Гааза исчезло со страниц печатных изданий, и память о нем возродилась в 1990-е годы.

Помнят Гааза и на родине. В Мюнстерайфеле – небольшом городке близ Бонна – есть улица, названная его именем, а в 1990-е годы в небольшом посвященном ему музее был установлен памятник, являющийся копией московского памятника Н.А.Андреева. Имя Гааза носит также школа при посольстве Германии в Москве.

Литература

1. Белокуров С.А., Зерцалов А.И. О немецких школах в Москве в первой четверти XVIII века. М.,1907.
2. Бусева-Давыдова И.Л., Нащокина М.В. Архитектурные прогулки по Москве. М.,1996.
3. Илизаров С.С. Академик С.-Петербургской академии наук Г.-Ф. Миллер – первый исследователь Москвы и Московской провинции. М.,1996.
4. Кони А.Ф. Ф.П. Гааз. СПб.,1897.
5. Копелев Л. Святой доктор Федор Петрович. СПб., 1993.
6. Романюк С.К. Из истории московских переулков. М.,1998.
7. Томан И.Б. Московские немцы: опыт национального путеводителя // Московский журнал. 1991. №10, 12.
8. Fechner A.W. Chronik der evangelischen Gemeinden in Moskau. Bd.1-2. M.,1876.